

Р.И. Соколова

Всемирно известный и незнакомый нам философ Дитер Хенрих (краткий обзор творческого пути)*

Соколова Римма Ивановна – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: rimmsok70@yandex.ru

В обзоре кратко рассматриваются основные вехи творческого пути выдающегося немецкого философа Дитера Хенриха (р. 1927), которого в Германии считают крупнейшим мыслителем послевоенного времени наряду с Х.Г. Гадамером и Ю. Хабермасом. Хенрих является не только глубоким исследователем немецкой классической философии, но и создателем собственной оригинальной теории, посвященной проблеме субъективности. В данном обзоре этой проблеме уделяется особое внимание. Хенрих оказал большое влияние на многие области знания – социологию, психологию, литературоведение и другие. Его труды переведены на многие языки мира; в июле 2020 г. в Билефельде был проведен международный коллоквиум, специально посвященный его творчеству. Однако в России в силу исторических и социально-политических причин Хенрих оказался почти неизвестным для российского читателя. Только в 2018 г. на русском языке была издана одна его книга «Мышление и самобытие». Кроме этой книги, в обзоре упоминаются также крупные работы последних лет – «Бытие и ничто» (2016), «Это Я и этим все сказано. Размышления о прозрении Фихте» (2019). В них развиваются идеи, содержащиеся во многих предыдущих его работах, но также изложена новая аргументация, которая представляет исследуемую проблематику с неожиданной, порой противоположной стороны. Цель данного обзора – познакомить читателя с этим философом и пробудить интерес к дальнейшему исследованию его творчества.

Ключевые слова: самосознание, субъективность, мышление, бытие, человек, целостность, «я», жизнь, «последние вопросы», прозрение

Для русской культуры естественно стремление сочувственно и глубоко вживаться в чужие культуры, открывать в них новые творческие импульсы и горизонты, о чем свидетельствует множество публикаций, посвященных зарубежным философам. В этом, полагаю, проявляется не столько пресловутое «западничество», сколько свойство нашей души, которое можно подвести под знакомую нам из русской

---

* Полное представление о творческом пути Д. Хенриха можно получить из его философско-автобиографической книги [Henrich, 2021].

философии «всечеловечность». Но, пожалуй, есть еще одно, не всегда манифестируемое свойство, которое довольно точно определяется немецким словом *Fernweh*, т.е. тоска по неизведанному. Поэтому наш взор обращается к тем представителям западной философии, которые в наибольшей мере могут удовлетворить эту нашу тоску и жажду неизведанного (в философии).

По стечению обстоятельств таковым неизведанным автором для нас оказался современный немецкий философ Дитер Хенрих (р. 1927), являющийся одним из крупнейших представителей немецкой послевоенной философии наряду с Гансом-Георгом Гадамером и Юргеном Хабермасом. Он оказал значительное влияние также на другие дисциплины, особенно теологию, социологию, психиатрические теории о причинах «расстройства личности», на литературные исследования и т.д. Творческая энергия, продуктивность и новаторство Хенриха вызывают уважение и удивление: его перу принадлежат 45 книг и около 300 статей.

Однако в новой России он почти неизвестен: только недавно, в 2018 г., была издана одна его книга «Мышление и самобытие» [Хенрих, 2018], при том что труды философа переведены на многие языки мира: английский, итальянский, чешский, испанский, французский, греческий, португальский, японский, китайский и даже украинский. Такое положение дел – досадное упущение и несправедливость, объясняющиеся не отношением к Хенриху российских философов, с которыми он в советское время активно сотрудничал (несколько раз приезжал в Москву в качестве руководителя немецкой делегации для участия в международных гегелевских форумах), а сложной социально-экономической ситуацией в стране после распада Советского Союза, отразившейся, в частности, и на положении философии.

Хенрих принадлежит к наиболее глубоким исследователям немецкой философии. Он не довольствуется каталогизацией философских систем мышления, а рассматривает их как проекты, как «теоретические потенциалы», которые он пытается продуктивно развивать. Поэтому Хенрих на протяжении десятков лет заслуженно пользуется большим признанием как в Германии, так и за ее пределами. Об этом свидетельствуют, например, лекции, прочитанные им в 1973 г. в США, в Гарварде: они буквально взорвали сознание слушателей, а атмосфера, царившая в аудитории, была наэлектризована. Конспекты лекций, которые были названы легендарными, неизменно вызывали жгучий интерес и передавались из рук в руки. И так продолжалось до тех пор, пока в 2003 г. на основе лекций Хенриха не была издана книга «Между Кантом и Гегелем» [Henrich, 2003]. Эти лекции стали первым послевоенным контактом англоязычной аудитории с немецким философом, который раскрывает творческий потенциал немецкой классической философии, исследуя глубины человеческого духа.

Являясь автором множества книг по философии, Хенрих неоднократно удостоивался многих почетных званий и наград, в том числе государственных. Так, например, при вручении ему Гегелевской премии отмечалось, что это мыслитель, который смог постичь произведения Гегеля в таком объеме и с таким глубоким проникновением в их сущность, что это едва ли можно представить. Впрочем, подобный масштаб философских исследований вполне в традиции столпов классической немецкой философии, однако Хенрих не только продолжает и развивает эту традицию, но и стал основателем собственной «Гейдельбергской школы». В ее рамках выявилась недостаточность наследия философского анализа субъекта и пришло понимание необходимости разработки теории, сфокусированной на феномене самосознания, которое подверглось совершенно новой интерпретации. Достижения этой школы, начиная с 1966 г. и по сей день, оказались весьма эффективными и современными, что подтверждает обоснованность концентрации внимания на данной проблематике. Большой интерес к ним со стороны других дисциплин является еще одним доказательством их плодотворности.

Следует отметить, что Хенрих являет собой олицетворение Большого стиля в философии, который вызывает сегодня в России интерес самых различных, в том числе рафинированных аудиторий. Его аргументация отличается не только высоким научным уровнем и эрудированностью, но также изяществом и своеобразием изложения. В этом он следует примеру Канта, которым Хенрих всегда восхищался, и не столько из-за выводов, содержащихся в его трудах, сколько из-за изощренности хода его мыслей, как он сам отмечал в интервью латышскому философу и журналисту Арнису Ритупсу: «Ведь философия сродни искусству. Труды великих философов в чем-то схожи с великими произведениями искусства, их связывают незримые тончайшие нити, в них обнажаются самые глубинные формы вещей» [Ритупс, 2013].

О высокой оценке немецкими и зарубежными учеными обширной философской деятельности Хенриха свидетельствует и состоявшийся в июле 2020 г. в Билефельде специально посвященный ему международный colloquium «Теория самосознания Дитера Хенриха в междисциплинарном контексте». Целью colloquium было почтить выдающегося философа и уделить его центральной теории то внимание, которого она заслуживает. Кроме того, поводом для организации colloquium с междисциплинарной направленностью стало влияние Хенриха на смежные дисциплины, обусловленное новым подходом к феномену самосознания, на котором фокусируется его обширное творчество.

Окружающие воспринимают Хенриха – что совсем неудивительно – как *человека-памятник*, ибо за свою долгую и насыщенную событиями жизнь (5 января 2021 г. ему исполнилось 94 года) он был свидетелем многих исторических событий, в том числе в философии. Он общался и сотрудничал со многими выдающимися философами XX в. Его учителем был Х.-Г. Гадамер, который в свою очередь был учеником Хайдеггера. В 2006 г. Хенрих, а также круг учеников и последователей Мартина Хайдеггера сформировали в Немецком литературном архиве г. Мирбаха отдел, включивший произведения важнейших философских учителей Хенриха послевоенного времени – Х.Г. Гадамера, Й. Риттера и Э. Ротхакера, а в 2017 г., в год 90-летнего юбилея мыслителя, этот архив был пополнен и его собственными трудами.

В связи со своим юбилеем Хенрих дал много интервью как немецким, так и зарубежным изданиям, в которых рассказал о своем долгом философском пути и встречах с известными философами начала XX в. В частности, во время юбилейной конференции в интервью Юргену Каубе он остановился на том, какую роль в его жизни и философской судьбе сыграл его учитель Гадамер. Хенрих рассказал о своем участии в семинаре Гадамера во Франкфурте, о беседах с ним во время прогулок, о поддержке, которую тот ему оказывал. Когда Хенриху предстояло поехать в Марбург, чтобы материально позаботиться о своей матери-вдове с маленькой пенсией, для чего требовалось сдать государственный экзамен, Гадамер заявил ему: «Никакого государственного экзамена. Вам этого не нужно. Вы, несомненно, уже профессор философии» [Henrich, 2018. S. 314]. Хенриху было тогда 22 года. Гадамер предоставил ему место своего ассистента с правом полной свободы писать то, что он хочет и что может. Кроме того, Гадамер вскоре неожиданно сказал: «Я хочу написать книгу о “Критике суждения” Канта. Но считаю, что вы сделаете это лучше меня» [ibid.]. Таким образом, Гадамер одним из первых заметил незаурядный философский талант своего ученика.

Интерес Хенриха к «тайне человека», его сущности, к «последним» вопросам является лейтмотивом всего его творчества. Для него вопрос «что такое человек?» неразрывно связан с вопросом о субъекте, в котором всегда звучит какая-то загадка. Тем не менее, в философию Хенрих пришел по иной причине: он осознал необходимость всестороннего и обоснованного познания Целого, что связано с осмыслением архитектуры философской системы и места в ней различных конкурирующих подходов, а также следствий, которые из этого вытекают. Философствование для него означает установление отношений между отдельными сферами мышления для

лучшего понимания определенной проблематики, такой, например, как «самосознание» или «нравственность». Хенрих говорит о «многомерной теории», которая должна быть способна принять к рассмотрению противоположные и даже противоречащие друг другу концепции. В этом он следует за Кантом, который считал, что различные сферы философии не могут изолироваться друг от друга – нужно все держать под пристальным вниманием, ибо в изоляции нельзя найти убедительных философских аргументов. Для его последователей, особенно для Гегеля, это было уже само собой разумеющимся, это часть немецкой традиции [Esser, Krüger, 2017]. Иными словами, Хенрих является сторонником системного видения в познании.

Систематический способ мышления и аргументированность означают для него постоянное расширение горизонта, а также освобождение от тесных пут мышления и необдуманых предположений, касающихся вопросов жизни человека во всех ее измерениях. Главная задача философии для Хенриха – описание человеческой субъективности, которая должна сама найти место в том, что философски воспринимается как Целое. Хенрих убежден, что ни одна другая наука не приближается к жизни человека в такой мере, как философия, ибо от нее всегда ожидалось, что она может внести ясность в вопросе о том, что такое человеческая жизнь и мышление. Ведь жизнь человека такая короткая, преходящая, а вокруг есть Целое, воплощающее в себе весь мир, в котором у человека должно быть место и которое он должен осознать. И только философия способна объяснить человеку, что он представляет собой, в связи с проблемами, возникающими перед ним из самой жизни и вовлекающими его в размышления об основных философских вопросах.

Хенрих начинает изложение своей философии субъективности с, казалось бы, достаточно обыденных и даже банальных вещей: «...люди не просто живут, они должны вести свою жизнь, исходя из знания о себе самих» [Хенрих, 2018, с. 11]. По мере разворачивания этих кажущихся «очевидностей» эксплицируется сложный комплекс вопросов относительно природы человека, его индивидуальности, сознания и самосознания, о природе знания, познаваемости мира, свободе и ответственности и т.д. В результате философия субъективности оказывается довольно сложной по своему замыслу, многослойности и многообразию аргументации, сугубой философичности и в силу выхода за границы очевидного, а также обширного объема материала. В связи с этим изложение данной теории в рамках краткого обзора может содержать риск ее огрубления и примитивизации. Поэтому считаю возможным ограничиться лишь указанием основных вех ее разработки. Более подробно о ней можно прочесть в недавно переведенной на русский язык книге Хенриха «Мышление и самобытие» (2018), в основе которой лежит цикл лекций, прочитанный автором в 2003–2006 гг. Изложению его идей посвящена также статья Е.Л. Чертковой «В поисках основы сознательного существования (размышление о книге)», опубликованная в журнале «Вопросы философии» [Черткова, 2020].

Тема субъективности обсуждается достаточно бурно как в современной немецкой философии, так и в российской. Несмотря на то, что отдельные философы в Германии и в России по-прежнему исходят из очень разных идейных предпочтений и противоположных методологических подходов, сложившаяся пестрая и дифференцированная картина исследований позволяет предполагать, что теории субъективности принадлежит большое философское будущее. Хенрих предпринял попытку представить собственную оригинальную философскую концепцию – впечатляющий вариант философии субъекта, или теорию субъективности, оставаясь при этом в рамках классической традиции исследования субъективности Канта, Фихте и Гегеля, развивавших декартовские представления о субъекте как исходном принципе философии.

Отталкиваясь от декартовского: «Я мыслю, следовательно, существую», Хенрих обогащает эту позицию достижениями современной философии XX в., несмотря

на его сложные отношения с ней. Ему приходилось отстаивать положения своей концепции в полемике с аналитической, коммуникационной, конструктивистской и натуралистическими теориями. Дополнительные вызовы для проблематики субъективности, которой Хенрих занимался с ранних студенческих лет, исходили из негативного отношения к ней: в те годы она не пользовалась большим спросом. Поэтому основной его заботой являлась необходимость охранять эту теорию от эрозии, угрожавшей ей под давлением мощных тенденций в философии того времени. Следует отметить, что Хенрих в трактовке субъективности противостоит всем главным позициям в философии: Хайдеггеру; «новому марксизму», рассматривавшему субъективность как «буржуазную категорию»; Ницше, который называл ее «величайшей иллюзией нашего времени»; феноменологии и философии экзистенциализма 20-х гг. XX в. и наконец, логическому эмпиризму Карнапа и Венского кружка. Хенрих был убежден в том, что эту тему нужно развивать на совершенно иных путях. После 1945 г. в академическом сообществе, где господствовали герменевтика, логический позитивизм и экзистенциализм, субъективность также отнюдь не привлекала внимания. Англосаксонская философия под влиянием языкового анализа долго избегала этой проблемы. Но постепенно аналитическая философия все же столкнулась с неизбежностью ее признания.

Субъективность – фундаментальная предпосылка всей философии Хенриха, которая обосновывается, формируется и актуализируется поисками ее причины и истока. На этом пути, обращаясь к достижениям классической немецкой философии, он стремится устранить ее крайности, неточности, переосмысливает некоторые положения; критически анализирует современные течения философской мысли; соотносит свои представления с выводами естественно-научных теорий. Такой широкий охват всевозможных достижений человеческой мысли позволяет ему более тщательно выверять аргументацию и в итоге находить убедительные доказательства правильности своего стремления придать субъективности статус отправной точки для базового наброска современного философствования и своеобразного ключа к процессу мышления. Развертывая свою аргументацию во многих книгах¹, он постепенно подводит к тому, чтобы сфокусировать внимание на истоке, причине субъективности, которая является конституирующей для его концепции, хотя и не дана в явном виде.

Что же такое субъективность именно как основа философствования в изложении Хенриха? Прежде всего, он отмежевывается от ее общеупотребительного понимания. Субъективность, как отмечает философ, обычно воспринимают в ошибочном, элементарном смысле, пришедшем из языка при использовании выражения «персона», т.е. с позиции третьего лица. В этом смысле субъекту приписывается все то, что относится к личностным качествам и свойствам человека, к его «конституции» [Henrich, 2019, S. 126]. При элементарном понимании субъекта все притязания познания сводятся лишь к простым мнениям, предвзятым представлениям и впечатлениям человека о жизни и окружающем мире, не соответствующим действительности.

Хенрих же использует субъективность в ином, собственно философском смысле, берущем начало в воззрениях Канта, Гегеля и особенно Фихте, который в своем наукоучении сделал акцент на достоверности субъективности как высшей формы познания. Речь уже не шла об описании способности отдельного индивида к развитию

¹ Вот только некоторые из книг Хенриха: *Selbstbewußtsein und Sittlichkeit*. Habilitationsschrift (Schreibmaschinenscript). Heidelberg, 1956. 420 S.; *Versuch über Kunst und Leben, Subjektivität – Weltverstehen – Kunst*. München: Hanser Verlag, 2001. 347 S.; *Bewußtes Leben. Untersuchungen zum Verhältnis von Subjektivität und Metaphysik*. Stuttgart: Reclam, 1999. 223 S.; *Die Philosophie im Prozess der Kultur*. Frankfurt: Suhrkamp, 2006. 249 S.

личного внутреннего мира. У Фихте как наукоучение в целом, так и субъективность характеризуются в качестве всеохватывающего процесса и всеобщего измерения. Тем самым, как отмечает Хенрих, был сделан важнейший шаг: теперь стало возможным говорить о субъективности как о факте, являющемся основой подлинной сознательной жизни человека, включающей в себя много потенциалов. Это был довольно значимый перелом, который «маркирует перемену в истории культуры человечества» и который был подтвержден Дильтеем [Henrich, 2019, S. 128].

Следуя Фихте, Хенрих рассматривает субъективность как процесс раскрытия субъекта во все более расширяющейся перспективе, благодаря чему субъект становится самосознающим, т.е. находящимся на пути к пониманию себя и того, что составляет его жизнь. Отправной точкой является наиболее знакомый, но в то же время и наиболее непрозрачный человеческий опыт – самосознание, т.е. изначальное знакомство с собой, которое предшествует всем проявлениям субъекта и лежит в их основе. Субъект, который не знает о себе, вообще не может считаться субъектом. Знание о себе дает возможность субъекту осуществляться в процессе постоянного напряжения знающего о себе мышления, т.е. это творящее начало. Но возникает вопрос: каков исток этого знания? Ответом Хенриха является тезис о непостижимости, неузнаваемости и невозможности его использования в нормальном когнитивном процессе: «...мы не можем ни проследить его генезис, ни понять до конца его устройство» [Хенрих, 2018, с. 73]. Но философ при этом не закрывает иной, метафизический путь его познания.

Само знание о себе пронизано противоречием, осуществляясь в амбивалентности и антиномиях. Это можно объяснить наличием двух значений субъективности, которые в комплексе охватывают все то, чем является человек в сознательной жизни. С одной стороны, субъект знает себя, но это знание не имеет основы в себе, и его причина не принадлежит открытому ему миру. Возникновение самого знания о себе является событием, которое хотя и происходит по причине, присущей ему, но при этом совершенно спонтанно и без какого-либо объяснения. С другой стороны, субъект знает о самом себе как о части мира благодаря своему существованию в мире в качестве живого тела в определенной точке пространства и времени. Это порождает противоречивые устремления в познании: 1) направленность на весь мир как целое, который можно считать заданным, и в то же время эта направленность несет в себе тенденцию к выпадению субъективности из мира и ее устранение; 2) ориентация на целое, которое достигается только в мышлении, исходящем из субъективности, имеющей свою причину и цель. Хенрих считает, что оба устремления невозможно отделить друг от друга, а потому возникает проблема их согласования. Решение проблемы он видит в понимании субъективности как целого, в котором находит примирение самопонимание человека и знание о себе самом как части мира. Подробно разрабатывая понятие субъективности, придавая ей объемность и глубину в динамике ее разворачивания, Хенрих уделяет большое внимание существованию субъектов как личностей и характеру их взаимоотношений с другими людьми, исходя из субъективности. Философ показывает, что в результате постоянно меняющейся ситуации физического и социального существования субъекта возникает напряженность, приводящая к его вовлечению в процесс формирования идентичности и самопонимания на основе субъективности, которые разворачиваются и проявляются в социальной сфере, нравственном, эстетическом сознании, понимании свободы, в становлении всех форм культуры. В каждой из этих сфер субъективность обогащается новыми качествами, помогая субъекту приобрести более глубокое самопонимание и осознание самого себя, а также окружающего мира. Всем этим сферам Хенрих посвятил отдельные философские исследования.

Интерпретируя субъективность человека как фундаментальный, но не имеющий основы в себе самый факт, Хенрих тем самым очерчивает альтернативу широ-

ко распространенному натуралистическому подходу (особенно нейрофизиологии), который в объяснении субъективности основывает свою аргументацию на изучении строения и функционирования мозга. Однако такое объяснение философ считает неудовлетворительным и, глубоко изучив достижения натуралистического подхода, настаивает на том, что редукция субъективности к функционированию нейронов представляется и в дальнейшем бесперспективной [Hohe Luft, 2018]. Натуралистические исследования, согласно Хенриху, «не могут устранить границу, проходящую между материальным базисом сознания и тем способом, которым оно раскрыто для самого себя» [Хенрих, 2018, с. 138]. И в самом деле, набирающая сегодня силу тенденция к серьезной смене парадигмы в науке, затрагивающая также сферу сознания, приводит к мысли о том, что сознание есть нечто более совершенное, а вовсе не субстанция и функция головного мозга.

Заканчивая очень схематичное изложение теории субъективности, необходимо внести некоторую ясность в тезис Хенриха о непознаваемости ее истока. Судя по всему, он приблизился к очень сложной проблеме мозга и мышления, а следовательно, и субъективности, которую пытается решить в философском ключе. Как показывает история науки, такой чисто философский подход оказывается порой довольно успешным: достаточно вспомнить Анри Бергсона, который при помощи сугубо философского рассуждения смог предвосхитить сущность физиологического учения И.П. Павлова, пришедшего к похожим выводам, но только экспериментальным путем. Не случайно Войно-Ясенецкий – ученый и религиозный деятель – был поражен тем, что «эти ошеломляющие мысли великого метафизика почти полностью совпадают с новым учением о высшей нервной деятельности, созданным нашим гениальным физиологом Иваном Петровичем Павловым» [Войно-Ясенецкий, 2019, с. 53]. Можно привести и другие примеры. Французский академик, известный физиолог и физик Шарль Рише на строго научной основе пришел к выводу, что в окружающем мире существуют вибрации, которые могут исходить из мозга других людей, но что самое важное – из неведомого нам трансцендентального мира. Хенрих в свою очередь приходит к мысли об абсолюте. Однако апелляция к абсолюту не дает повода характеризовать его привычным для нас узким термином «идеалист», так как он прибегает к понятию абсолюта потому, что современная наука пока не имеет строгих доказательств относительно сущности трансцендентального мира. Полагаю, именно это обстоятельство вызывает интерес к его теории субъективности, изложенной в упомянутой книге и переведенной на многие языки, а теперь и на русский.

Важно отметить, что основополагающие смыслы бытия, находящиеся в центре философских исканий Хенриха, неразрывно связаны с напряженным вниманием к самосознанию не только как основе любого философского размышления, но и как определяющего то, кем мы являемся и кем можем быть. В этом смысле Хенрих не отделяет себя принципиально от обычного человека, так как считает, что «в некотором роде все мы философы. Это часть человеческой природы – размышлять над тем, что значит быть человеком. У каждого есть на это свой взгляд, и каждый задумывается о своей жизни: есть ли у нее цель и смысл» [Ритупс, 2013]. Но отличие профессионального философа от обычного человека состоит в том, что он «может упорядочить все эти вопросы, волнующие каждого, распределить по разным степеням важности, добиться ясности в том, почему возникают такие вопросы, и составить предположительные ответы или наметить пути получения этих ответов. И тогда то, что только едва намечается или существует в скрытом виде в жизни обычного человека, становится четким и организованным благодаря философии как научной дисциплине» [там же]. Иными словами, вся философия в такой перспективе есть по большому счету экспликация сознания человека.

В упомянутом выше интервью Каубе также обратил внимание на фразу Хенриха «каждый человек философствует», которая его, с одной стороны, заинтриговала,

а с другой – вызвала некоторое сомнение. Хенрих разъяснил, что нет ни одного человека, который совсем не философствует. Можно даже сильнее сказать: не существует такого человеческого бытия, в котором философствование не является постоянным элементом сущности человека, его активной жизнедеятельности. Размышление человека о себе сопровождает и руководит его заботой о себе, что можно видеть также в учении Руссо, который подчеркивал различие между естественным (природным) размышлением о себе и научной философией. «Конечно, – уточняет Хенрих, – в этой фразе речь идет о естественно-природном размышлении. Я думаю, что философия связана с основной потребностью человека в том, чтобы глубоко познать себя самого» [Henrich, 2018, S. 319].

Но это совсем не означает, что философское мышление ничего не добавляет к жизни в поисках «последних» причин. Интерес Хенриха к «последним», т.е. метафизическим, вопросам проявился также в опубликованной в 2016 г. книге «Бытие и ничто», основным идеям которой была посвящена рецензия в журнале «Вопросы философии» [Соколова, 2017]. В этой книге он нащупал удивительные соответствия между Гёльдерлином и Беккетом, подчеркнув склонность Беккета обращаться к запредельному, пограничному, заключенному в первоначалах «бытия» и «ничто», скрывающих немислимую глубину, куда человек стремится, но не может проникнуть, так как прямого доступа туда нет, ибо «последнее» не вмещает всего только в мыслях. Поэтому философия должна задаться вопросом: в состоянии ли она развиваться дальше один из важнейших элементов ее картины мира, исходя из своего времени, а также из человеческого опыта, и сделать его понятным. В этой книге и иных работах Хенрих пытается дать ответ на поставленный вопрос, где путем сложной рефлексии, требующей от читателя соответствующей квалификации, открывает все новые грани в решении данного вопроса.

На этом пути он в какой-то степени следует за Шеллингом, Гегелем, Гёльдерлином, которые, до того как стать философами, были студентами богословия и, соответственно, обращаясь к вопросам божественного, должны были размышлять и о самых важных проблемах жизни человека. Отойдя впоследствии от религии, они столкнулись с необходимостью дать какое-то объяснение людям, не верящим в бессмертие. Поэтому тема самосознания с его ключевым понятием субъекта сделалась для них, как и для Канта, одной из самых важных. Однако, отмечает Хенрих, «как я понял довольно рано, у них почти не было что сказать по этому поводу» [Ритупс, 2013], и прежде всего не было адекватного понимания того, как данное понятие образовалось. Поэтому нерешенность этих вопросов, двойственность понимания сознания стали для Хенриха определенным вызовом. В самом деле, с одной стороны, мы знаем, что живем и в какой-то степени управляем своей жизнью, но с другой – у нас нет удовлетворяющего нас понимания смысла жизни, что делает наши попытки управлять ею весьма ограниченными и порой ошибочными. Поскольку мы не знаем основы основ жизни, нам остается только такое управление жизнью.

Развивая взгляды этих философов, а также и Фихте, Хенрих снова и снова пытается выразить экзистенциальные вопросы, возникающие в жизни любого человека, в рамках созданной им философской теории, в которой очень тщательно аргументируется каждый поворот его мысли и все вытекающие из него следствия. Такая особенность изложения требует от читателя напряженного внимания, ибо Хенрих методично шаг за шагом углубляет свое понимание, открывая в нем все новые смыслы.

Как уже отмечалось, отправной точкой его философствования является человеческий опыт, который является, казалось бы, самым знакомым, но в то же время и самым непрозрачным, т.е. опыт самосознания. Вернее сказать – это «первоначальное знакомство» с самим собой, которое предшествует и лежит в основе ясного

самосознания. На пути самосознания открывается для сознания еще одна предпосылка его Я, превосходящая субъективность. Это опора в некоем «Целом», которое не может быть полностью дано ни в одном опыте. К данной проблеме Хенрих обратился более пятидесяти лет назад в небольшой (50 стр.) книге «Первоначальное прозрение Фихте» [Henrich, 1966], в которой он объясняет, как субъективность, представленная у Фихте, может стать отправной точкой для архитектуры философской системы и как вопрос об эго является в то же время исходным пунктом для поиска «разума в сознании».

Хенрих показал историческую заслугу Фихте, состоящую в том, что именно он первым сумел глубоко постичь эту проблему и решающим образом сделал ее главной темой своей философской программы. В последующие десятилетия данная тема активно развивалась: многие философы пытались ее по-своему интерпретировать. Но в любом случае интерес к ней не только не угасал, а напротив, возрастал; в соответствии с этим значительно усиливался интерес к работе Хенриха о Фихте как к наиболее убедительной и авторитетной. Поэтому спустя полвека издательство Кластермана, опубликовавшее ее в 1966 г., вновь обратилось, теперь уже в лице сына этого издателя, к Хенриху с предложением подготовить – по просьбе многих читателей – расширенный вариант указанной книги. Это был естественный ход событий: ведь вскоре после ее издания Хенрих опубликовал еще ряд работ по аналогичной теме, хотя использовал другие подходы. Кроме того, в этом первоначальном труде было показано развитие проблемы, но не дано дефинитивных разъяснений. Поэтому ощущалась явная необходимость осветить многие нерешенные проблемы и наметить перспективы возможных решений, а также следовало прояснить, как глубоко простирается проблема и какие измерения она охватывает; тем самым открывались новые горизонты для философии. В результате осенью 2019 г. из печати вышло значительно расширенное и дополненное издание книги уже объемом в 305 стр.: «Это Я и этим многое сказано. Размышления о прозрении Фихте» [Henrich, 2019].

Книга содержит два текста. Первый из них – это текст 1966 г., второй же представляет собой основательное его развитие и новую интерпретацию. Большой временной перерыв между ними и тот интерес, который вызвал первый текст, стали для Хенриха основанием для того, чтобы оставить его без изменений и представить как исторический документ. Название новой книги – это цитата из работы Лейбница («Рассуждение о метафизике», § 34), для которого «я» уже многое объясняет, поскольку речь идет о внутреннем единстве духовного субъекта, который только таким и может познаваться. Для Фихте «я» тоже многое говорит, но вместе с тем содержит проблему, в которой концентрируются все другие проблемы. Фихте увидел ее в совершенно новом свете, а именно: можно обойтись без предварительного мнения о субъекте, употребляющем это «я», а его сущность и тем более возможность его самопознания должны быть легко поняты. Разгадка того, как это возможно, и последующая экспликация представляет большой вызов для философии, но именно она может дать ключ для всеобъемлющего объяснения. Оба момента в их взаимосвязи составляют то, что Хенрих называет «первоначальным прозрением Фихте». Постичь это прозрение совсем непросто ввиду его комплексности, постоянно влекущей за собой обманчивые попытки понимания. К этому следует добавить трудности выражения сути философии Фихте в языке. Не случайно современная философия, как и современное искусство, относятся с недоверием к патетическому тону относительно «я». Они противопоставили ему «экзистенцию» и опредмеченный анализ языка.

В связи с этим Хенрих задается вопросом: на каком основании Фихте считает, что он нашел ключ к совершенно новой процедуре на той территории, на которую прежде никто не вступал? Для прояснения данного вопроса он проводит подробную

теоретическую реконструкцию основной ситуации «этого я», которая в познавательном отношении очень спекулятивна², т.е. рефлексивна, не опирается на опыт и не содержит предпосылок для рационального анализа. На этом пути Хенрих сталкивается с центральным выводом Фихте: способность к аналитическому объяснению комплексных фактов, связанных с «этим я», подошла к своей границе. А значит, нужно постичь все связи, а также изменить существующий способ познания на противоположный.

В своей книге Хенрих как раз и предпринял такую сложную работу, раскрыть содержание которой еще только предстоит исследователям – не только философам Германии и других стран, но и, надеюсь, российским. В целом Хенрих видит значительный вклад Фихте в философское познание в том, что он обратился к глубочайшим переживаниям человеческого духа, к человеческому «Я», вмещающему в себя духовный мир. Для Фихте познать глубинную сущность «Я» – значит понять его как нечто постоянно творящее и тем самым созвучное с духовно-божественным. В связи с этим Хенрих отвергает общепринятую точку зрения, согласно которой философия «Я» воспринималась как теория, уравнивающая самосознание и самовластие, а ее генезис трактовался как процесс растущего притязания и самонадеянности субъективности, начавшийся с Декарта и достигший своего наивысшего пункта у Фихте. При такой оценке утрачивается собственное содержание его учения, а также мотивы развивать его дальше. И только при глубоком погружении в философию Фихте становится понятной ошибочность глобального диагноза относительно его философии и диагноза современного ему мира, который в своем философском выражении усмотрел в фихтевском абсолютном Я предтечу формулы Ницше об эквиваленте нигилизма и воли к власти. Поэтому для Хенриха постижение подлинного смысла первоначального прозрения Фихте является не только важной темой философской теории, но и плодотворной возможностью для философии, согласующейся с основными чертами современного сознания. Однако интерес к этому Хенрих оставляет на заднем плане.

Таким образом, по мнению Хенриха, именно Фихте ближе всех подошел к решению вопроса о «самосознании» и увидел то, чего не замечал Лейбниц и избегал Кант. А там, где ему что-то не удавалось, он форсировал постановку проблемы и при этом в такой отдаленной перспективе, что «и сегодня нужно ему следовать, а также учиться у него» [Henrich, 2019, S. 5]. Хенрих с его склонностью к глубокому анализу увидел в Фихте нечто близкое себе, а именно: нестандартное мышление, умение посмотреть на проблему с неожиданной, порой с противоположной стороны. Завершить краткий обзор творческого пути Хенриха с полным правом можно словами, сказанными им о Фихте: они уместны и применительно к самому Хенриху, ибо ему, несомненно, тоже стоит следовать и у него можно учиться. Свойственная философу исследовательская напряженность изложения, разнообразие и скрупулезность аргументации, обращение к важнейшим особенностям личностного существования и к вечным, «последним» метафизическим вопросам дают нам образец подлинного философствования.

---

² Спекулятивное понимается Хенрихом «не в смысле произвольного, рискованного и безответственного, но в качестве категориально-дисциплинированного устремления за границы очевидного и убедительно доказуемого» [Хенрих, 2018, с. 66].

Список литературы

- Войно-Ясенецкий, 2019 – Лука (*Войно-Ясенецкий*). Дух, душа и тело. М.: ООО «Духовное преображение», 2019. 223 с.
- Ритупс, 2013 – *Ритупс А.* Свобода между раной и благодарностью. Разговор с Дитером Хенрихом. Rigas Leiks. 2013. URL: <https://www.rigaslaiks.ru/zhurnal/svoboda-mezhdu-ranoy-i-blagodarnos...> (дата обращения: 12. 04. 2019).
- Соколова, 2017 – *Соколова Р.И.* Дитер Хенрих. Бытие или Ничто. Размышления о Сэмюэле Беккете и Гельдерлине // *Вопр. философии.* 2017. № 3. С. 215–218.
- Хенрих, 2018 – *Хенрих Д.* Мышление и самобытие. Чтения о субъективности / Пер. с нем. А.К. Судакова. М.: Весь Мир, 2018. 320 с.
- Черткова, 2020 – *Черткова Е.Л.* В поисках основы сознательного существования (размышление о книге) // *Вопр. философии.* 2020. № 12. С. 124–132.
- Henrich, 2007 – *Henrich D.* Denken und Selbstsein – Vorlesungen über Subjektivität. Frankfurt: Suhrkamp, 2007. 350 S.
- Henrich, 2003 – *Henrich D.* Between Kant and Hegel. Lectures on German Idealism / Hrsg. v. David Pacini. Cambridge/Mass.: Harvard University Press, 2003. 341 S.
- Henrich, 2016 – *Henrich D.* Sein oder Nichts. Erkundungen um Samuel Beckett und Hölderlin. München: Verlag C.N. Beck, 2016. 493 S.
- Henrich, 2018 – *Henrich Dieter* im Gespräch mit Jürgen Kaube // *Philosophie und Leben.* Erkundungen mit Dieter Henrich. Göttingen: Wallstein Verlag, 2018. S. 307–330.
- Henrich, 2017 – *Dieter Henrich* interviewt von Andrea Esser und Hans-Peter Krüger. *Subjektivität und Metaphisik* // *Deutsche Zeitschrift für Philosophie.* 2017. Vol. 65. Issue 2. S. 302–336.
- Henrich, 1966 – *Henrich D.* Fichtes ursprüngliche Einsicht. Frankfurt: 1966. 51 S.
- Henrich, 2019 – *Henrich D.* Dies Ich, das viel besagt. Fichtes Einsicht nachdenken. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 2019. 305 S.
- Henrich, 2021 – *Henrich D.* Ins Denken ziehen, eine philosophische Autobiographie in Gesprächen mit Mathias Bormuth und Ulrich von Bülow. München: C.H. Beck, 2021. 288 S.
- Hohe Luft, 2018 – *Idealist Dieter Henrich* über das Rätsel der Subjektivität. Interview Henrich. *Hohe Luft / Philosophie Zeitschrift.* 2018. Heft 1.

The Worldwide Famous and Unknown to Us Philosopher Dieter Henrich (a brief Overview of His Creative Path)

Rimma I. Sokolova

Institute of Philosophy, Russian Academy of Science. 12/1 Goncharnaya Str., 109240, Moscow, Russian Federation; e-mail: rimmsok70@yandex.ru

The review briefly examines the main milestones of the creative path of the outstanding German philosopher Dieter Henrich (b. 1927), who in Germany is considered the greatest thinker of the post-war period, along with H.G. Gadamer and Yu. Habermas. Henrich is not only a deep researcher of German classical philosophy, but also the creator of his own original theory on the problem of subjectivity. This review pays special attention to this problem. Henrich had a great influence on many fields of knowledge – sociology, psychology, literary studies, and others. His works have been translated into many languages around the world; in July 2020, an international colloquium dedicated specifically to his work was held in Bielefeld. However, in Russia, due to historical and socio-political reasons, Henrich was almost unknown to the Russian reader. Only in 2018, one of his books, “Thinking and Self-Existence”, was published in Russian. In addition to this book, the review also mentions major works of recent years – “Being and Nothing” (2016), “This is Me and this is all said. Reflections on Fichte’s Insight” (2019). They develop the ideas contained in many of his previous works, but also present a new argument that presents the problem under study from an unexpected, sometimes opposite side. The purpose of this review is to introduce the reader to this philosopher and to arouse interest in further research of his work.

Keywords: self-awareness, subjectivity, thinking, being, man, integrity, “I”, life, “last questions”, insight

References

- Chertkova E. V poiskah osnovy soznatel'nogo sushchestvovaniya (razmyshlenie o knige) [In Search of the Basis of Conscious Existence (Reflection on the Book)], *Voprossy filosofii* [Questions of philosophy], 2020, no. 12, pp. 124–132. (In Russian)
- Henrich D. *Myshlenie i samobytie. Chteniya o sub"ektivnosti* [Thinking and Self-being. Read about the Subjectivity], trans. by A. Sudakov. Moscow: the Whole world Publ., 2018. 320 p. (In Russian)
- Henrich D. *Denken und Selbstsein – Vorlesungen über Subjektivität*. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 2007. 350 S.
- Henrich D. *Between Kant and Hegel. Lectures on German Idealism*, hrsg. v. D. Pacini, Cambridge/Mass.: Harvard University Press, 2003. 341 p.
- Henrich D. *Sein oder Nichts. Erkundungen um Samuel Beckett und Hölderlin*. München: Verlag C.N. Beck, 2016. 493 S.
- Henrich Dieter im Gespräch mit Jürgen Kaube. In: *Philosophie und Leben. Erkundungen mit Dieter Henrich*. Göttingen: Wallstein Verlag, 2018, SS. 307–330.
- Henrich Dieter interviewt von Andrea Esser und Hans-Peter Krüger. Subjektivität und Metaphisik. *Deutsche Zeitschrift für Philosophie*. 2017. Vol. 65. Issue 2, SS. 302–336.
- Henrich D. *Fichtes ursprüngliche Einsicht*. Frankfurt a. M.: Vittorio Klostermann, 1966. 51 S.
- Henrich D. *Dies Ich, das viel besagt. Fichtes Einsicht nachdenken*. GmbH. Frankfurt a. M.: Vittorio Klostermann, 2019. 305 S.
- Henrich D. *Ins Denken ziehen, eine philosophische Autobiographie in Gesprächen mit Mathias Bormuth und Ulrich von Bülow*. München: C.H. Beck, 2021. 288 S.
- Idealist Dieter Henrich über das Rätsel der Subjektivität. Interview Henrich. *Hohe Luft / Philosophie Zeitschrift*, 2018, h. 1.
- Luka (Vojno-Yasineckij), 2019 – Luka (Vojno-Yasineckij). *Duh, dusha i telo*. Moscow: OOO «Duhovnoe preobrazhenie» Publ., 2019. 223 p. (In Russian)
- Ritups A. *Svoboda mezhduranoi i blagodarnost'yu. Razgovor s Dieter'om Henrich'om* [Freedom Between Injury and Gratitude. Conversation with Dieter Henrich]. URL: [https:// www. rigaslaiks.ru / zhurnal /svoboda-mezhduranoi-i-blagodarnost...](https://www.rigaslaiks.ru/zhurnal/svoboda-mezhduranoi-i-blagodarnost...) [accessed 12. 04. 2019]. (In Russian)
- Sokolova R. Dieter Henrich. Bytie ili Nichto. Razmyshleniya o Samuel'e Beckett'e i Hölderlin'e [Review. Dieter Henrich. Being or Nothing. Reflections on Samuel Beckett and Hölderlin]. *Voprossy filosofii* [Questions of Philosophy], 2017, no. 3, pp. 215–218. (In Russian)